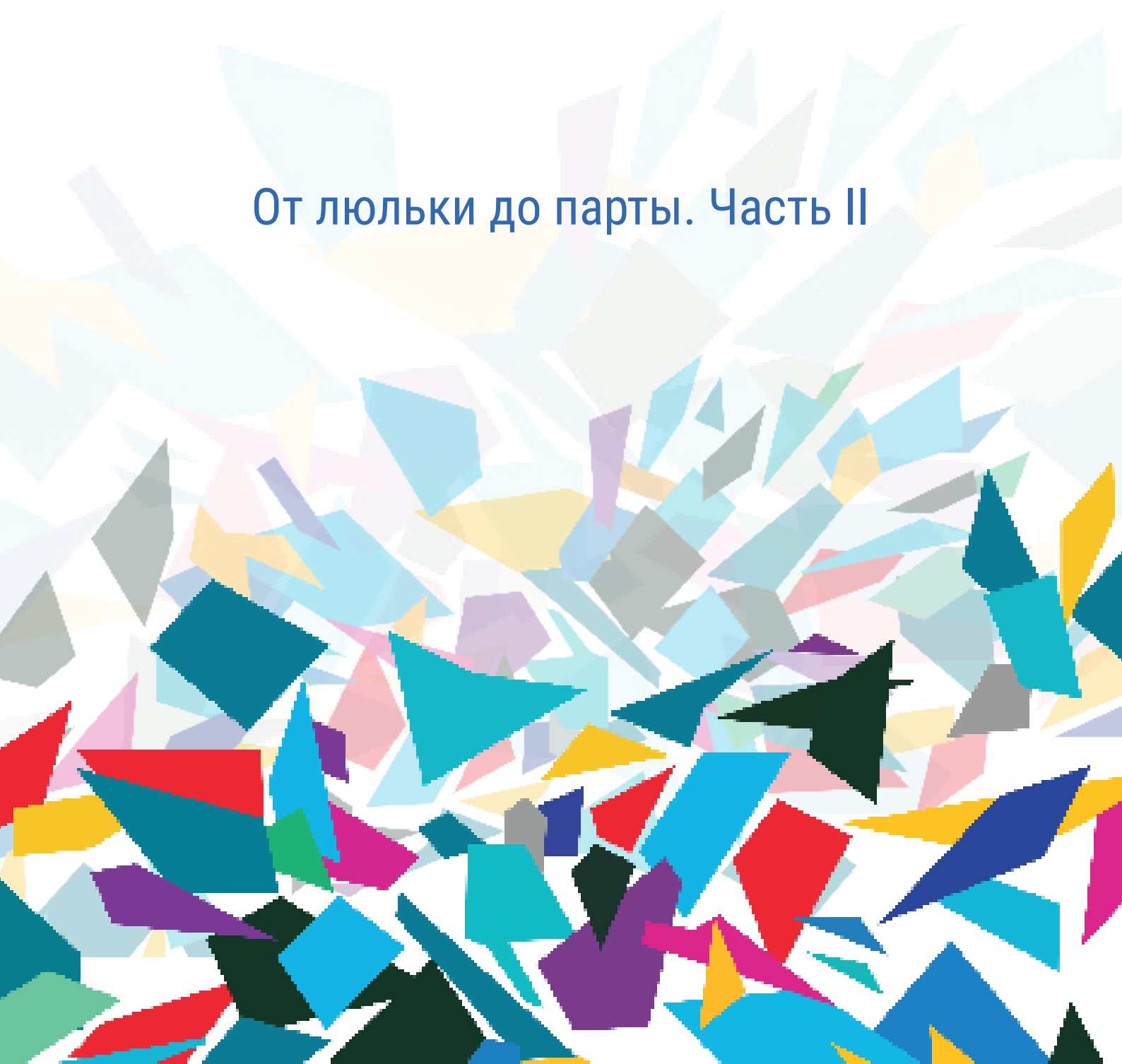

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

От люльки до парты. Часть II

Как происходит обучение ребенка языку. В прошлой лекции мы говорили о том, что сначала ребенок плачет, кричит. Потом начинает гулить, пробовать свой артикуляционный аппарат. Потом появляется агукание. Тогда ребенок словно вслушивается в себя, задумывается, как работают мышцы его языка, голосовые связки, губы.

Это все происходит очень быстро от момента рождения. Примерно до трех – четырех месяцев. Затем наступает этап произнесения отдельных слогов. Достаточно внятных. С восьми месяцев появляются односложные слова. Вскоре наступает период двух – и трехсложных слов.

Нужно заметить, что каждый последующий этап длиннее предыдущего кратно. И это тоже интересная закономерность. На мой взгляд, это является универсальной закономерностью развития физиологии и психологии человека.

Я могу здесь сделать сноску к традиционному кочевому тенгрианскому календарю, который имеет двенадцатилетние циклы. Всем известно, что начало следующего мушеля считается кризисным годом. Смотрите, в мировой психологии первым переходным возрастом считают 13 лет.

Следующий кризис – это стык первого и второго мушеля, 25 лет. Так называемый кризис молодых. Европейским физиологам известно, что в 25 лет заканчивается процесс формирования организма. В казахской культуре этот период называют «Кайран жиырма бес», великолепные 25 лет. Когда происходит мощный взрыв энергии.

Следующий двенадцатилетний цикл начинается в 37 лет. Это время кризиса среднего возраста. У казахов оно называется «время чернобородых». Говорят, что в 37 лет мужчина может зубами перекусить проволоку. Это период расцвета мужской силы.

В 49 лет и в следующий мушел человек вступает в зрелый возраст. Мы знаем о кризисе пятидесятилетних.

Но, обратите внимание, каждый последующий кризис менее выражен, переживается менее остро, чем предыдущий. В казахской культуре годы мушеля в 13,25 и 37 лет считаются даже опасными для жизни. И мы, к сожалению, знаем это не только из истории культуры, но и из нашей реальности 2018 года. Когда выдающиеся личности уходят в 25 и 37 лет.

Но если мы вернемся к Пинкеру, я бы хотел сказать, что кризис тринадцатилетнего возраста далеко не первый кризис в развитии ребенка. Потому что ему предшествует кризис шестилетнего возраста, то есть половина мушеля. Западные физиологи сейчас подробно изучают эту тему, а наши предки знали об этом давно.

В шесть лет сознание ребенка выходит на другой уровень, и ему нужно привезти его в гармонию с окружающим миром. Окружающий мир воспринимает его не как личность, а ребенок уже хочет, чтобы с ним считались, чтобы учитывал, что он уже многое может делать.

Этому шестилетнему кризису предшествует кризис трехлетнего возраста. А трехлетнему – кризис полуторагодовалых детей. Это этапы, о которых Пинкер не говорит, но мы должны иметь их в виду. Он просто фиксирует эту вселенскую универсальную закономерность. Ребенок в полтора года начинает переходить от агуканья к односложным и двусложным словам. Некоторые раньше, некоторые позже, но по статистике именно в этом возрасте, в полтора года ребенок как бы приостанавливается в процессе накопления слов. Еще почти столько же времени он изъясняется односложными, двусложными словами. И вдруг в три года происходит взрыв.

Пинкер очень убедительно приводит пример языкового взрыва у трехлетнего ребенка, который происходил буквально в течение шести месяцев. Когда малыш делает удивительные скачки.

2 года и 3 месяца – «шашки играть, большой барабан, у меня дудка, кролик прыг».

2 года и 4 месяца – «видишь, медведь идет-шагает, привинтить деталь машинка, этот занятый бульдозер».

2 года 5 месяцев – «теперь ботинки надеть, а куда отвертку, мама рассказать об тете, зачем скрепка тут».

2 года и 6 месяцев – «напиши листок бумаги, зачем тут яйцо, я потерял тапку, нет я не хочу сидеть».

2 года и 7 месяцев – «а куда бумагу, у нее на ноге ботинок, иду посмотреть на котёнок, убрал сигарету, уронил резинку, у тети шляпа, как это, мама, ринтитин не летать».

2 года и 8 месяцев – «да, я сниму эти ботинки, не пугайся, лошадь, как тигр, такой здоровый и летает, как воздушный змей».

Вы представляете, какой скачек в два года и восемь месяцев. А вот в два года и три месяца – «шашки играть, большой барабан, у меня дудка, кролик прыг». Я не буду читать вам все это, лишь выборочно.

2 года и 11 месяцев (почти в три) – «птичка прыгать в мешке у реки Миссури, почему ты готовь какао малышу, я сказал, почему ты не заходил, ты хочешь, чтобы я это завязал, мы зажжем свет, и ты не увидишь». Конечно, в речи ребенка встречаются и ошибки.

3 года и 1 месяц – «я хочу играть с чем-нибудь еще, ты знаешь, как это снова сложить вместе, я это сделаю как ракету, чтобы запустить, ты учился в Бостонском университете, ты хочешь дать мне морковку и фасоль, нажмите кнопку и поймите это, сэр, почему ты вставила ему в рот соску, собачкам нравится лезть наверх».

3 года и 2 месяца – «так, это нельзя почистить, я сломал свою машинку, ты знаешь, что свет погасился, когда у нее спущена шина, ее нужно отвезить на станцию, можно я положу голову в почтовый ящик, чтобы почтальон знал, где я был и положил меня в почтовый ящик, можно, я буду держать отвертку так же плотненько».

Поразительно, что Стивен Пинкер долгое время занимался именно детской психологией и развитием речи у детей. У него накоплена достаточная база наблюдений за маленькими детьми и экспериментальная база. И это лонгитюдное исследование убедительно показывает, что грамматический взрыв, действительно, происходит.

Но почему он происходит? В силу какой гениальности дети переходят от элементарных предложений к состоящим из одной и двух синтаксических групп? Это в силу того, что в каждом ребенке заложен великий потенциал гениальных способностей. Но Пинкер говорит, что при этом мы не поручаем ребенку водить машину. Ребенку этого возраста сложно понять, знает ли взрослый, что происходит в комнате, если его там нет. И ребенок не понимает, будут ли его видеть окружающие, если он закроет глаза. Трехлетнему малышу не понять, что объем жидкости, которую из высокого стакана перелили в плоскую тарелку, остался тем же.

На основании этого Пинкер делает вывод, что быстрое постижение грамматики языка – вовсе не следствие гениальности ребенка. Это следствие того, что язык есть инстинкт, заложенная на генном уровне способность.

Следующий момент, который хотелось бы уяснить для понимания сути теории Пинкера – почему это происходит так неравномерно? Пинкер переходит к возрастной физиологии. На прошлой лекции мы говорили, как формируется артикуляционный аппарат у ребенка. Это одно. Теперь Пинкер говорит о том, что ребенок изучает язык, не обладая способностью говорить с момента рождения. Он осваивает незнакомый язык.

А вот знакомый язык – это ментальный код, над которым он уже думает, который у него уже функционирует. Ребенок должен освоить грамматический код, который присущ языку его родителей. Но почему он не делает это сразу, почему новорожденные не говорят?

Пинкер говорит о том, что новорожденный ребенок не может говорить не только потому, что у него пока не сформирован артикуляционный аппарат, у него не сформированы отделы мозга, которые этим занимаются. Здесь он делает экскурс в физиологию и пишет о нейрофизиологии.

Все мы знаем о том, что мозг – это часть ткани весом от полутора до двух килограммов. И основой его, конечно, является белое вещество. Кора головного мозга, серое вещество состоит из нейронов. И эти нейроны организованы таким образом, чтобы обеспечивать связи, электрические сигналы, которые передаются от одного узла к другому. Говоря языком психофизиолога, от анализатора между анализаторами, от одного центра к другому. Доказано, что у младенца, находящегося в утробе матери сформированы еще не все центры. Нейроны не появляются в готовом виде. Они буквально растут, им нужно время.

Пинкер приводит интересное наблюдение. Всем нам известно, что детский мозг претерпевает серьезные изменения. Какие-то участки коры головного мозга еще не набрали свой объем. А есть такие участки – синапсы. Они отвечают за передачу сигналов. У новорожденного синапсы отсутствуют. Так вот, количество синапсов быстро становится максимальным в период между девятым месяцем и вторым годом жизни человека. И в это время у ребенка на 50% больше синапсов, чем у взрослого. Почему очень важно учить ребенка родному языку именно с рождения? Да потому, что физиологические способности его мозга намного превосходят способности мозга взрослого человека. Это главный вывод.

Пинкер считает, что наше развитие не следует рассматривать только как рост. Потому что организм развивается, не только создавая новые клетки, но и избавляясь от старых. И какие то, какие-то органы у нас, получив усиленное развитие, перестают быть нужными. Потом организм начинает от них избавляться.

Почему у взрослого человека теряется способность к усвоению языков? Потому что так устроен организм. В возрасте до трех лет наш генный механизм направляет все силы на ускоренное развитие именно речевых центров в мозге. Этих синапсов и нейронов, нейронной массы, расположенной как раз в речевых центрах. О них мы еще будем говорить позже.

Но потом организм старается избавиться от этих затрат. Кто-то из физиологов говорил, что, по большому счету, мозг – это свинья, которая пожирает почти 60% калорий, получаемых организмом.

Наверное, поэтому умственная работа в развитых странах хорошо оплачивается. Что стоило бы понять нашим чиновникам и руководителям предприятий. Умственная деятельность гораздо более энергоемка, чем работа всего остального организма человека. И после того, как организм затратил такие большие усилия на то, чтобы у ребенка сформировались инструменты для овладения языком, он перестает «финансировать» этот рост. Вот почему после 6-ти лет происходит угасание. И где-то к 10-12 годам количество нейронной массы ключевых центров приходит в баланс, как у взрослого.

А мы начинаем учить детей родному языку в школе, с первого класса. Естественно, мы никогда не решим проблему с казахским языком, не сделаем его действительно национальным языком в нашей стране.

Нельзя идти и по аналогии с иностранными языками. Целенаправленное изучение языка требует уже гораздо больших усилий. И не приводит к таким естественным результатам. Нужно очень долго работать для того, чтобы говорить на иностранном языке как на родном.

Даже виднейший политический деятель XX века, дипломат Генри Киссинджер говорил по-английски с заметным восточно-европейским акцентом. Потому что в Соединенные Штаты Америки он приехал вместе со своими родителями в возрасте шести лет. А его младший брат, который родился уже в Америке, говорит по-английски совершенно без акцента, хотя они выросли в одной семье.

Пинкер приходит к интересному выводу о том, что языковой ген направлен только на одноразовое использование. Второго такого языкового взрыва, как в три года, у ребенка больше не может быть.

Но здесь я позволю себе не согласиться с Пинкером, потому что такое происходит и во взрослом возрасте, у людей в возрасте от 20-ти до 30-ти лет. Это можно наблюдать среди слушателей факультетов иностранных языков. На первом курсе, когда вы начинаете профессионально изучать язык, вы посвящаете языку по 4-5 часов 6 дней в неделю. Изучаете-изучаете-изучаете первый курс, второй курс. И где-то между вторым и третьим годом обучения происходит щелчок. У вас словно снимается какой-то блокиратор и открывается поток иностранных слов. Обычно это случается в неформальной обстановке.

Суть в том, что ребенок, овладевая языком, не учит слова. Запомнить необходимый словарный запас ребенок не смог бы, даже если бы он этого захотел. Если бы он учил слова каждый день, уделяя по одной минуте на запоминание одного слова, у него ушла бы на это вся жизнь. Но мы схватываем, запоминаем слова практически ментально. Почему это происходит в естественной среде? Потому что ребенок запоминает грамматический код. И это дает основание Стивену Пинкеру говорить, что язык является физиологическим, врожденным инстинктом человека.

Пинкер все время говорит о том, как происходит освоение устной речи, но не письменной. Взрывоподобное овладение разговорным языком происходит года в три. Но далее, до шести лет темпы этого процесса замедляются, потому что ребенок уже овладел грамматическим кодом, универсальной грамматикой. Дальше идет накопление и совершенствование словарного запаса.

И это происходит до тех пор, пока у ребенка не наступает третий переходный период, кризис шести лет. Когда физиологическое состояние мозга ребенка достигает такого уровня, что он становится способен осваивать письменную речь. Переводить фонемы в буквы. Шесть лет –

это оптимальный возраст для того, чтобы посадить ребенка за парту. И вот здесь начинаются сложности, которые Пинкер очень не любит. Ребенку начинают преподавать грамматику как цепочку слов. И заставляют заучивать правила.